

КЪ

ДУХОВНОМУ ВѢСТНИКУ

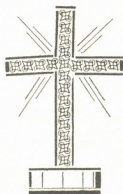
ГРУЗИНСКАГО ЭКЗАРХАТА.

1 августа.

№ 15

1899 года.

8905

Задушевный вѣнокъ отъ скорбящей Грузіи на дорогой гробъ въ Бозѣ почившаго Наслѣдника Цесаревича Георгія Александровича.

I.

Недавніе скорбные дни.

(Іюль 1899-го года).

Вся погружившаяся въ тяжкое горе любящая Грузія, какъ безвѣтно преданная родная няня, вотъ ужъ многіе дни стоитъ, склонившись у гроба, надъ дорогимъ прахомъ своего милаго Августѣйшаго Питомца и Благодѣтеля. Трешетныя скорбныя длани ея объемлютъ гробъ торжественно-печальный, и слезы, тихія слезы, какъ дождь изъ одинокой нависнувшей тучи неба, струятся на прахъ драгоцѣнный. И чело и весь обликъ ея одѣты въ глубокую, скорб-

ную думу: „О! зачѣмъ, зачѣмъ это я такъ неожиданно лишилась своей милой, родной утѣхи, своего драгоценнѣйшаго живаго сокровища, и кто будетъ тѣшить теперь, кто будетъ покоить меня въ мои страдальческіе скорбные годы“... Этотъ образъ любящей скорбящей няни является теперь наилучшимъ символомъ душевнаго настроенія всей Грузіи въ эти скорбные, грустные дни: она всей душой своей теперь у дорогого гроба, какъ у святилища, и, какъ траурнымъ одѣяніемъ, вся объята теперь тамъ—глубокою, сердце сжимающею, печалью, тамъ—общей тихою грустью, которыя проникають здѣсь собою всѣхъ и все и какъ бы одѣвають и самую природу и людей невидимымъ, таинственно-траурнымъ флеромъ. Да, здѣсь всѣ лучшія чувствованія и душевные взоры всѣхъ обращены къ милому жилищу, скромному дворцу Цесаревича, тамъ совершаются теперь умиленные заупокойныя моленія, и милое жилище оглашается возвышенно-трогательными пѣснопѣніями церковными и непрестаннымъ чтеніемъ св. Евангелія. Это священное благоуханіе молитвъ и разумно-таинственное блистаніе словесъ Евангелія какъ-то особенно гармонируютъ съ общимъ настроеніемъ духа у всѣхъ и съ нравственнымъ состояніемъ души Почившаго. Утѣшительно представить себѣ въ это время на основаніи свидѣтельствъ весьма многихъ лицъ, въ особенности духовника почившаго Цесаревича и приближенныхъ врачей, какъ необыкновенно глубоко и искренно любилъ почившій св. Евангеліе, какъ Онъ ежедневно, утромъ и вечеромъ, прочитывалъ изъ Евангелія нѣсколько главъ, а на утреннихъ и вечернихъ молитвахъ простаивалъ по цѣлому часу, какъ Онъ охотно, съ какимъ-то смиреннымъ сыновнимъ усердіемъ стремился всегда въ храмъ на болослуженіе, чтобы подоспѣть непременно къ самому началу богослуженія, и съ какимъ всегдашнимъ вниманіемъ, съ какимъ усердіемъ и умиленіемъ Онъ молился, выслушивая сполна все богослуженіе до конца, и какъ затѣмъ уходилъ Онъ изъ храма тайкомъ, чтобы не быть замѣченнымъ публикой. Весьма отрадно теперь возвѣстить во всеуслышаніе, отъ имени нашей старой любящей няни, скорбящей Грузіи, что этотъ нѣжный и кроткій Царственный Сынъ, такъ тщательно и заботливо вдохновлявшій и согрѣвавшій свой духъ живыми духовно-пламенными струями вѣры, молитвы и высокаго христіанскаго знанія, расширяя вмѣстѣ съ тѣмъ и научныя, преимущественно археологическія познанія, имѣлъ дѣйствительно добрую и возвышенную христіанскую

душу, преисполненную лучших и святых помышлений и чувствъ. А о событіяхъ, въ которыхъ дѣятельно и живо выразился возвышенный духовно-нравственный характеръ Почившаго, у нашей доброй няни существуютъ многочисленныя, весьма трогательныя и умиляющіе, рассказы.... И вотъ, послѣ нѣкотораго знакомства съ нравственною личностью почившаго Цесаревича, какъ-то особенно трогательно было наблюдать всю религіозную обстановку гроба, до глубины души трогательно было также видѣть во гробѣ, на хладныхъ персяхъ почившаго ту самую книгу св. Евангелія, которую Онъ повседневно открывалъ и читалъ въ уединеніи, съ горячимъ чувствомъ вѣры, любви и упованія на Божественнаго Спасителя и откуда почерпалъ Онъ знаніе и нравственную силу вносить повсюду въ среду окружающихъ Его людей истину, добро и красоту христіанскаго свѣта, мира и любви. И, помнится, какъ-то особенно легко, какъ-то свободно выливалась изъ души молитва у этого истинно-христіанскаго и царственнаго гроба, какъ-то хотѣлось и хотѣлось молиться и слушать слова Евангелія, хотѣлось при этомъ смотрѣть и смотрѣть на добрыя, нѣжныя, совершенно юношескія, съ отбѣнкомъ милаго дѣтства, черты лица нашего дорогого Почившаго. И всѣ, поистинѣ всѣ, молились у гроба съ глубокимъ чувствомъ любви къ Почившему, всѣхъ взоры были обращены къ самому духу благоговѣнно чтимаго Цесаревича, таинственно витавшему тутъ же, среди живыхъ молящихся, и какъ бы внушавшему имъ любящія размышленія и молитвы. И какъ самые люди, такъ и окружающая обстановка весьма много и выразительно вѣщали о высокихъ душевныхъ качествахъ Почившаго и невольно у всѣхъ вызывали къ Нему самое искреннѣйшее любящее расположеніе. Вонъ и скромный дворецъ, съ огромной дорогой библіотекой, заключающей въ себѣ множество цѣнныхъ и рѣдкихъ сочиненій о Закавказьѣ, въ частности о Грузіи, и садъ Цесаревича, и устроенныя Имъ въ саду по-грузински родниковыя источники, и самый храмъ, Имъ созданный, — все, все говорить тамъ, что Почившій искренно любилъ здѣшнюю страну и ея жителей, и ихъ милую старину. За то и Его любили, искренно любили всѣ, безъ различія племени и національности: никто не могъ говорить о Немъ безъ того, чтобы не навернулись при этомъ на глазахъ его слезы и не угрожали прервать какую-либо трогательную бесѣду о Цесаревичѣ... А вонъ тамъ, на пути ко дворцу и мѣсту кончины

Цесаревича въ эти дни какъ часто движутся огромными толпами персіане, татары, турки, предшествуемые муллами, евреи съ своими раввинами и другіе, — всѣ идутъ тихою, печальною, поступью и направляются, чтобы поклониться гробу или совершить свои моленія на мѣстѣ кончины дорогого Цесаревича. И ясно становится вдругъ, что одно повсюду чувство объемлетъ всѣхъ — чувство горя отъ незамѣнимой утраты и видится, что всѣ помыслы, даже какъ бы и взоры всѣхъ обращены куда-то за предѣлы этого видимаго міра, устремлены въ какую-то таинственную глубь, въ этотъ близкій, но невидимый и таинственный міръ свѣтлыхъ духовъ, гдѣ витаетъ и откуда любовно взираетъ на всѣхъ этотъ милый, родной, дорогой, безгранично любимый всѣми человѣкъ...

II.

Слово, произнесенное въ Абастуманскомъ храмѣ, у гроба Цесаревича, 6-го іюля 1899 года.

Грустно, тяжело до глубины души наблюдать, тѣмъ болѣе испытывать душевное состояніе людей, изъ рукъ которыхъ и предъ взоромъ ихъ, вдругъ пало въ глубокой потокъ драгоцѣннѣйшее сокровище... Вонъ, еще играя по ближайшимъ воднымъ струямъ, за сверкали послѣднія свѣтлыя блески, на мгновеніе какъ бы вынесшія на поверхность, предъ взоръ пораженныхъ и трепетныхъ зрителей, милыя и вождельныя черты дорогого, но исчезающаго и, наконецъ, исчезнувшаго сокровища, — и уже одни лишь тихіе, трепетные круги на роковой поверхности водъ явились достояніемъ скорбныхъ зрителей... Такъ драгоцѣнная жизнь Благовѣрнаго Наслѣдника Цесаревича Георгія Александровича, подъ вліяніемъ какой-то давнишней капризной нечаянности, давно, правда, стала склоняться все ближе и ближе къ роковому потоку, но, вотъ, недавняя и послѣдняя, всѣхъ поразившая, нечаянность свергнула эту милую для всѣхъ драгоцѣнность въ таинственный потокъ вѣчности... Но еще въ недавніе дни своей жизни и въ самыя предсмертныя минуты Августѣйшій почившій обнаружилъ чудныя блески своего духовно-нравственнаго характера; такъ, наканунѣ рокового дня, въ воскресенье, съ обычной своей глубокой искренностію и усердіемъ Онъ выслушалъ

священную литургію и умиленно молился въ новосозданномъ Имъ храмѣ; въ самый еще роковой день, понедѣльникъ, Онъ дѣлалъ нѣкоторыя распоряженія, касающіяся возстановленія Зармской обители, и въ этотъ же день, изъ чувства скромности не желая обезпокоить своихъ приближенныхъ, Онъ самъ уединился для далекой и утомительной прогулки и здѣсь-то, вѣроятно, несоразмѣрнымъ физическимъ напряженіемъ открылъ возможность подстерегавшему Его тяжкому недугу со всей своей грозной силой обручиться на Его слабый организмъ и довести Его до полнаго и, наконецъ, смертельнаго изнеможенія. Но и въ эти послѣднія и тягчайшія минуты, взгляните, какъ вдругъ, предъ какой-то случайной и невольной зрительницей Его смертнаго исхода чудно блеснулъ милый нравственный характеръ Почившаго: какъ Онъ кротко, съ обычной своей застѣнчивостью и чрезвычайной скромностью успокаиваетъ смутившуюся, невольно обнаруживая и въ голосѣ и въ выраженіи лица своего душевную скорбь, даже какъ бы недовольство на самого себя за то, что причиняетъ другимъ безпокойство и волненію своею беспомощностью и печальнымъ исходомъ болѣзни. Какъ не удивляться здѣсь спокойному мужеству въ виду грозныхъ очей вдругъ настигнувшей смерти, когда мужъ, побѣждаемый смертью, находитъ еще нравственныя силы успокаивать другихъ!.. Какъ въ такія страшныя минуты не удивляться необычайной скромности, застѣнчивости и глубокому смиренію, совершенно граничащимъ съ небреженіемъ къ себѣ и къ своей жизни. Какъ не удивляться этимъ нравственнымъ чертамъ самоотверженія, когда мы всѣ и повсюду и при томъ въ случаяхъ, несравненно менѣе опасныхъ, спѣшимъ съ какимъ-то упрямствомъ и насиліемъ навязать и свои немощи и свои недуги и болѣзни заботамъ и попеченію другихъ, при томъ навязать съ какимъ-то деспотизмомъ и нравственнымъ тиранствомъ. Эта удивительная скромность и глубоко-смирненное мнѣніе о своей личности и своей жизни—эти истинно евангельскія черты человѣческаго духа, такъ изумительно блеснувшія и въ послѣдній разъ въ драгоцѣнной для всѣхъ личности почившаго Цесаревича, невольно приводятъ на память слова Спасителя: „Большій изъ васъ да будетъ всѣмъ слуга и всѣмъ рабъ... и бо Сынъ Человѣческій (Христосъ) пришелъ, не да послужать Ему, но послужити и дати душу Свою избавленіе за многихъ“...

Да, канула, канула безвозвратно драгоцѣнная жизнь нравствен-

но-нѣжнаго и кроткаго Цесаревича въ необъятнй роковой потокъ времянь,—и, точно нѣкоторые трететные круги на холодной, безучастной поверхности потока, безжалостно сокрывшаго въ себѣ дорогую жизнь, для насъ остались теперъ одни лишь грустныя, хотя и милья и пріятныя, воспоминанія объ этой чудной личности.. Онъ, какъ тихій, кроткій ангель, прошелъ въ своей любимой Царственной Семѣ, пламенно Его любившей; какъ ангель мира и милосердія, виталь Онъ и здѣсь, на далекой окраинѣ, среди пламенно любившаго Его всего населенія Грузіи и въ особенности здѣшнихъ ближайшихъ мѣстностей. Вонъ, слышны глубокія рыданія и слезы слугъ, безгранично любившихъ своего дивно-скромнаго и нѣжнаго Августѣйшаго Господина; слышны рыданія и скорбные вздохи и проливаются слезы мѣстными жителями, безъ различія пола и возраста; вонъ они, точно сироты какія, толпятся неподалеку отъ дорогаго лица—дворца, желая хоть взоромъ выразить послѣднюю ласку скорбящей любви своему Августѣйшему почившему другу и благодѣтелю; а повсюду здѣсь, внемлите, вѣдь, какой-то общей тугой душевной объята и русскіе, и православные грузины, и грузины-мусульмане, и армяне, евреи, турки, татары и персы,—всѣ они приходятъ со своими молитвенными вздохами, съ глубоко-грустными чувствованіями о тяжелой утратѣ, приходятъ огромными толпами то къ мѣсту послѣдняго исхода дорогаго жизни, гдѣ они совершаютъ свои общія богослуженія и молитвы, то къ дорогаго жилищу—дворцу, гдѣ эта жизнь такъ недавно разсыпала отъ себя обильныя искры любви, безграничной снисходительности, благотворенія и милосердія къ людемъ,—всѣ, всѣ пришли теперъ въ скорбное волненіе и всѣхъ взоры какъ бы устремлены въ безжалостный потокъ времени, холодный и угрюмый, сокрывшій родное и милое сокровище, и всѣмъ, всѣмъ хочется теперъ болѣе, чѣмъ когда-либо, увидѣть, вновь увидѣть и еще насладиться хотя бы одинъ разъ, и въ послѣдній разъ, созерцаніемъ знакомыхъ и милыхъ дорогаго чертъ пламенно любимаго и незабвеннаго Августѣйшаго друга и благодѣтеля, созерцаніемъ Его нравственной нѣжности, Его дивной скромности, истинной доброты и милостивости ко всѣмъ. Но холодный, безучастный потокъ, поглотившій дорогую жизнь, молчаливъ и угрюмъ и на своей поверхности пустынной оставляетъ лишь на долю бѣдныхъ людей, какъ бы въ утѣшеніе имъ, одни тихіе мелькающіе круги, въ видѣ милыхъ,

хотя и грустныхъ воспоминаній, чувствованій, глубокаго сожалѣнія или, наконецъ, общей, волнующей всѣхъ, душевной туги и скорби... Однако же мы, вдохновившись здѣсь возвышенной христіанскою любовію къ почившему Благовѣрному Государю Наслѣднику Цесаревичу Георгію Александровичу, смѣнимъ душевную грусть и печаль молитвеннымъ возношеніемъ своего духа къ Богу, Всетворцу и Промыслителю, чтобы Онъ почившему Августѣйшему другу и искреннему Печальнику всего здѣшняго населенія, этому поистинѣ земному ангелу, даровалъ свѣтлое и благопріятное жилище среди небесныхъ челоуѣковъ...

А. Г.

Обозрѣніе Кахетинскихъ церквей

Высокопреосвященнѣйшимъ Флавіаномъ, Экзархомъ Грузіи.

(Окончаніе. ¹⁾)

При обители св. Зенона устроилъ свою знаменитую Духовную Академію духовникъ царя Давида Возобновителя, игумень Арсеній, знатокъ всѣхъ восточныхъ языковъ, который раньше былъ въ Палестинѣ, собралъ все житія святыхъ Грузинской церкви и для многихъ составилъ службы. Развалины обширной Академіи Арсеніевой, откуда вышли многіе свѣтильники церкви Грузинской, просіявшіе и на св. горѣ Аѳонской, доселѣ видны на дворѣ монастырскомъ. Самый храмъ не великъ, но пріятнаго зодчества и имѣетъ въ достаточномъ количествѣ ризницу и утварь.

Около селенія Икальто Высокопреосвященнѣйшаго Экзарха Грузіи встрѣтили князя Макаевы и сопровождали его до собора. Здѣсь Владыку встрѣтилъ кн. В. Макаевъ, который въ краткихъ словахъ очертилъ прошлое значеніе собора и, указавъ на настоящія нужды его, просилъ Владыку обратить свое милостивое вниманіе на сей соборъ. По тщательномъ осмотрѣ всѣхъ достопримѣчательностей собора, Владыка посѣтилъ еще въ этомъ же селеніи приходскую церковную школу, а затѣмъ пожаловалъ на обѣдъ къ кн. В. Макаеву.

¹⁾ См. „Дух. Вѣстн.“ № 14 за 1899 годъ.

Въ 4 часа по полудни неутомимый Архипастырь изволилъ направить свой путь къ Шуамтинскому монастырю, гдѣ ожидалъ его Преосвященный Киріонъ, выѣхавшій туда еще наканунѣ. Шуамтинскій монастырь лежитъ въ 7—8 верстахъ отъ Телава, влѣво отъ большой дороги, ведущей въ Тифлисъ черезъ Гомборскій переваль. Онъ получилъ свое названіе отъ грузинскаго слова „*шуа-мта*“, въ переводѣ „*среди горъ*“, — названіе, соотвѣтствующее топографическому положенію монастыря. Съ трехъ сторонъ его окружаютъ высокія лѣсистыя горы. Видъ оттуда къ югу очаровательный. Шуамтинскій монастырь посвященъ Рождеству Пресв. Богородицы. Онъ окруженъ высокими стѣнами съ башнями, служившими въ послѣдніе вѣка Грузинскаго царства убѣжищемъ отъ лезгинъ, постоянно тревожившихъ обитель и ея окрестности. Монастырь не старъ. Онъ построенъ въ первой четверти XVI в. царицею Тинатиною, дочерью Мамія Гуріели и женою Кахетинскаго царя Леона II. Въ длину онъ имѣетъ 15 саж., а въ ширину 6 саж., снабженъ довольно красивымъ куполомъ. Иконостасъ храма, превосходный по красотѣ и богатству, присланъ изъ Москвы въ 1844 г. царевичемъ Иракліемъ. Храмовая икона Божіей Матери украшена золотымъ окладомъ и унизана дорогими восточными камнями. Въ Шуамтинскомъ монастырѣ жили въ 1604 г. русскіе послы, присланные Борисомъ Годуновымъ къ Кахетинскому царю Александру II. Въ оградѣ красуются прекрасное двухэтажное настоятельское помѣщеніе, отремонтированное Преосвященнымъ Виссаріономъ, Епископомъ Имеретинскимъ, въ бытность его настоятелемъ сего монастыря, и достаточное число келлій для братіи. Прилежающій къ монастырю небольшой садикъ орошается ручейкомъ, бьющимъ изъ горъ. Въ саду два искусственныхъ бассейна, полныхъ живыми рыбами. Въ монастырѣ хозяйство поставлено примѣрно, благодаря чему братія, сравнительно, благоденствуетъ. Монастырь вообще съ внѣшней и внутренней сторонъ производитъ весьма пріятное впечатлѣніе, такъ что Высокопреосвященный Экзархъ Грузіи имъ остался весьма доволенъ и за усердные труды по монастырю, согласно засвидѣтельствуванію Преосвященнаго Киріона, наградилъ набедренниками іеромонаховъ Николая и Кирилла. По осмотрѣ монастырскаго храма, келлій и сада, Владыкѣ откланялись нѣкоторые изъ сопровождавшихъ его изъ Телава. Здѣсь остались: уѣздный начальникъ г. Ганевичъ, благочин-

ный, протоіерей Хелаевъ и кн. Андрониковъ, которые и были приглашены вмѣстѣ съ Владыкою на ужинъ къ настоятелю монастыря, Епископу Киріону.

16-го сентября Высокопреосвященнѣйшій Экзархъ Грузіи направился къ Тифлису, сопутствуемый до границы Тифлисскаго уѣзда выше названными лицами, а здѣсь ожидалъ Его Высокопреосвященство приставъ Нацваловъ съ чинами земской стражи. На границѣ сел. Уджармы Владыку встрѣтили съ хлѣбомъ-солью старшины сосѣднихъ обществъ, а въ оградѣ церкви св. Георгія—оо. благочинные Л. Бакрадзе и И. Гургенидзе съ священно-церковно-служителями ввѣренныхъ имъ благочиній. Здѣсь же была расположена рота солдатъ изъ Мухравани съ офицерами. Благочинный свящ. И. Гургенидзе, послѣ привѣтствія Владыки съ благополучнымъ возвращеніемъ изъ продолжительнаго путешествія, подалъ ему подробный рапортъ о состояніи своего благочинія. По осмотрѣ церкви и ея документовъ, Высокопреосвященнѣйшій Экзархъ Грузіи прибылъ въ Тифлисъ въ 4 часа дня послѣ двѣнадцатидневнаго путешествія по очаровательной Кахетіи.

Свящ. А. Тотибадзе.

Мысли пастыря о нѣкоторыхъ изреченіяхъ св. ап. Павла, относящихся къ пастырскому служенію. ¹⁾

Міръ гонитъ силою первыхъ послѣдователей Христа, проливая кровь ихъ; мірское теченіе въ жизни христіанскаго общества во времена тихія и спокойныя отъ внѣшнихъ гоненій гонитъ въ пустыни истинныхъ любителей Христа,—и иночество является прямымъ протестомъ противъ мірскаго направленія христіанской жизни; міръ гонитъ св. Аѳанасія Александрійскаго, не удерживаетъ на Константинопольской кафедрѣ св. Григорія Богослова, не выноситъ суровыхъ обличеній св. Іоанна Златоуста, св. Тихонъ Задонскій уходитъ на покой и внѣ міра обрѣтаетъ блаженную кончину. Вотъ наиболѣе ясныя событія изъ жизни Христовыхъ проповѣдниковъ. Міръ со своими воззрѣніями враждебенъ истинно Христовымъ проповѣд-

¹⁾ См. № 11 „Духовн. Вѣстн.“ за 1899 годъ.

никамъ, не выносить ихъ, удаляетъ отъ себя: *тяжело міру смѣрять* на такихъ праведниковъ, *ибо жизнь ихъ не похожа на жизнь другихъ и отличны пути ихъ, они считаютъ міръ мерзостью и удаляются отъ путей мірскихъ, какъ отъ нечистотъ, ублажаютъ кончину праведныхъ и тщеславно называютъ отцомъ своимъ Бога* (Прем. Сол. II, 15—16),—скажемъ мы словами Премудраго про отношеніе міра къ праведникамъ.

Предъ этою истиною и ея значеніемъ не долженъ закрывать глаза и современный пастырь Церкви, вступая въ ряды Христовыхъ благовѣстниковъ, когда онъ, по долгу своего званія, долженъ провозглашать „любви и правды чистыя ученья“. А указанные явленія въ подтвержденіе этой истины краснорѣчиво говорятъ о томъ, что *во вся времена міръ* относится нетерпимо къ идеаламъ истинно-христіанской жизни,—и теперь точно такъ же, какъ и прежде,—и потомъ точно такъ же, какъ и теперь.

Пастырю Церкви необходимо знать эту истину, необходимо имѣть убѣжденіе, что и въ его пастырски-благовѣстнической дѣятельности наступить пора, если онъ „право править слово истины“, когда ему придется за эту дѣятельность терпѣть насмѣшки, а, быть можетъ, и гоненія въ томъ или другомъ родѣ. Да и всегда въ томъ или иномъ видѣ пастырю Церкви приходится самому видѣть ясныя подтвержденія сказанному. Возьмемъ самый простой случай въ пастырски-благовѣстнической дѣятельности: говорится проповѣдь съ искреннимъ желаніемъ принести посильную пользу слушателямъ, а въ самомъ же началѣ проповѣди нѣкоторые оставляютъ храмъ, и не потому оставляютъ, чтобы имъ не нравился проповѣдникъ, какъ проповѣдникъ, но потому, что они не считаютъ нужнымъ, чтобы ихъ поучали; это уже прямо мірское воззрѣніе, не считающее пастырей Церкви своими учителями. Или другой тоже часто, даже постоянно бывающій случай. Говорится проповѣдь, изъясняющая ту или другую христіанскую истину; Христово ученіе изъясняется во всей его высотѣ; высота этого ученія требуетъ, какъ говорить сама же совѣсть слушателей, особеннаго напряженнаго христіанскаго подвига, но слабая воля слушателей не хочетъ подчиниться этому ученію,—и вотъ слышитъ проповѣдникъ рѣчи, что не надо-де было, зная слабость воли слушателей, и разъяснять это высокое ученіе: исполненіе его не для насъ, а для особыхъ подвижниковъ, мы—люди

мірскіе, намъ хотя бы болѣ легкія заповѣди Христа исполнить т. п. Это опять воззрѣніе мірское, зло этого воззрѣнія въ томъ, что оно такимъ образомъ отрицаетъ возможность осуществленія христіаниномъ тѣхъ или иныхъ заповѣдей Христа Спасителя, т.-е. говорить, будто ученіе Христа въ нѣкоторыхъ истинахъ прямо не для людей, забывая, что *невозможное человѣкамъ, возможно Богу* (Лк. XVIII, 27), возможно при помощи всеильной благодати Божественной. И не слышится-ли въ подобныхъ разсужденіяхъ то же самое, что слышалъ и апостолъ Павелъ отъ аѳинскихъ философовъ: „*что хочеть сказать этотъ суесловъ?*“

Не касаясь подробно причинъ подобнаго рода отношеній слушателей къ пастырской проповѣди, укажемъ здѣсь только на то, что они, слушатели, въ данномъ случаѣ являются далеко не понимающими и не желающими понять, что каждое изреченіе слова Божія необходимо должно находить откликъ въ сердцѣ человѣка и побуждать человѣка къ посильному осуществленію этого реченія. „*Заповѣдь сія, говоритъ Господь устами Моисея: которую Я заповѣдую тебѣ сегодня, не недоступна для тебя и не далека. Она не на небѣ, чтобы можно было говорить: кто взошелъ бы для насъ на небо и принесъ бы ее намъ, и далъ бы намъ услышать ее и мы исполнили бы ее? И не за моремъ оны, чтобы можно было говорить: кто сходилъ бы для насъ за море, и принесъ бы ее намъ, и далъ бы намъ услышать ее, и мы исполнили бы ее? Но весьма близко къ тебѣ слово сіе: оно въ устахъ твоихъ и въ сердцѣ твоємъ, чтобы исполнять его* (Второз. XXX. 11—14)“. „*Праведность отъ вѣры, пишетъ св. апостолъ: такъ говоритъ: не говори въ сердцѣ твоємъ: кто взойдетъ на небо? то есть, Христа свести. Или кто сойдетъ въ бездну? то есть, Христа изъ мертвыхъ возвести. Но что говоритъ Писаніе? Близко къ тебѣ слово, въ устахъ твоихъ и въ сердцѣ твоємъ, то есть, слово вѣры, которое проповѣдуемъ* (Римл. X, 6—8)“. И слова Моисея и слова св. апостола Павла равно говорятъ, что и ветхозавѣтное ученіе и новозавѣтное есть не что иное, какъ законъ, написанный въ сердцѣ каждаго (Римл. II, 15), и отъ произволенія, слѣдовательно, каждаго зависитъ найти въ сердцѣ своемъ откликъ тому или иному реченію слова Божія. Не входя въ дальнѣйшее изъясненіе причинъ въ лучшемъ случаѣ равнодушнаго, а иногда и насмѣшливаго отношенія слушателей къ словамъ и современнаго

проповѣдника Христова ученія, указываемъ на это явленіе, какъ дѣйствительно замѣчаемое, съ которымъ такъ или иначе, но придется имѣть дѣло современному проповѣднику, которое даже такъ или иначе вліяетъ на личность самого проповѣдника. Нельзя отрицать тотъ общеизвѣстный фактъ, что равнодушное отношеніе слушателей къ словамъ проповѣдника часто ослабляетъ ревность пастыря въ благовѣствованіи, а насмѣшливое отношеніе заставляетъ иногда пастырей и совершенно опускать руки въ святомъ дѣлѣ благовѣстія или совершенно отказаться отъ выполненія самой великой и святой обязанности пастырскаго служенія. И что же это будетъ за пастырь, что это за „служитель слова?“ Иначе сказать: благодаря такому отношенію слушателей къ слову благовѣстія, возможно такое явленіе, что пастырь какъ бы *стыдится* дѣйствительно своего благовѣстническаго служенія и становится только священнодѣйствователемъ и требоисправителемъ, или же, не оставляя совсѣмъ слова благовѣстія, можетъ вести дѣло проповѣди такъ, чтобы не поднимать тѣхъ вопросовъ, обходить молчаніемъ тѣ мѣста Священнаго Писанія, которые могутъ возбуждать сильныя и насмѣшливыя возраженія со стороны мірскихъ людей, т. е. опять—какъ бы *стыдятся* въ душѣ говорить проповѣди съ рѣшительнымъ изъясненіемъ смысла извѣстныхъ мѣстъ Священнаго Писанія, а чрезъ это можетъ произойти такое печальное явленіе: вмѣсто того, чтобы возвышать настроеніе хотя нѣкоторыхъ слушателей, пастырская проповѣдь, такъ сказать, *оміражаетъ* заповѣди слова Божія, поскольку эти заповѣди разъясняются такъ, чтобы это было пріятно слушателямъ,—и тогда каждый изъ слушателей, считая себя исполнителемъ закона Божія, можетъ успокоиться, почить на этой мысли и не подумаетъ о томъ, что надо усилить свои подвиги, отречься отъ многого, что имъ излюблено, и только тогда можно надѣяться на благоволеніе Божіе; разумѣется, подобныя проповѣди не суть истинное слово благовѣстія, и въ лучшемъ случаѣ только не приносятъ никакой пользы, въ худшемъ же—прямо дѣйствуютъ развращающимъ образомъ. О. Іоаннъ Кронштадтскій въ своемъ дневникѣ, зная возможность появленія въ пастырски-благовѣстнической дѣятельности священниковъ подобнаго рода отношенія къ дѣлу проповѣди, прямо приписываетъ это явленіе дѣлу діавола, царю міра сего: „Діаволь поражаетъ, говоритъ онъ, сердца священниковъ лѣнностью, сухостью и бесплодіемъ, что-

бы они не проповѣдывали истинъ Евангелія людямъ Божіимъ, не сказывали имъ всей воли Божіей (Ч. II. 21)“; онъ же прямо винитъ пастырей Церкви и въ худой жизни пасомыхъ, благодаря разнаго рода послабленіямъ, оказываемымъ пастырями своимъ пасомымъ. „Можетъ быть, спрашиваетъ онъ, объ насъ, пастыряхъ, и справедливо говорятъ (обвиняя насъ въ маломъ усердіи къ проповѣданію)? Есть много и нашей вины въ томъ,—отвѣчаетъ Кронштадтскій пастырь,— что христіане проводятъ не такъ праздники, какъ должно: мы не обличаемъ, не запрещаемъ, не умоляемъ ихъ со всякимъ долготерпѣніемъ и ученіемъ проводить праздники и вообще жить по христіански. Мы мало говоримъ о праздности, о пьянствѣ, распутствѣ; мы не гремимъ въ церкви Божіей словомъ Божіимъ противъ этихъ пороковъ, страшно овладѣвшихъ христіанами. Мы не всегда отлучаемъ, въ страхъ прочимъ, отъ св. Чаши извѣстныхъ своимъ пьянствомъ и прелюбодѣйствомъ лицъ и даемъ чрезъ то этимъ мерзкимъ и заразительнымъ порокамъ все болѣе и болѣе усиливаться; мы даемъ слабыя эпитиміи на исповѣди лицамъ, заслуживающимъ строгаго церковнаго наказанія, не слѣдимъ, какъ бы слѣдовало, за исполненіемъ и тѣхъ эпитимій, которыя налагаемъ на нихъ. Боже праведный! и пастыри и паства безотвѣтны предъ Тобою (ч. I. 176—177)“. И, внушая сопастырямъ смѣлое дерзновеніе въ прохожденіи благовѣстническаго служенія, о. Іоаннъ говоритъ такъ: „Ты, пастырь, дѣлаешь дѣло Божіе и ни предъ кѣмъ не долженъ упадать духомъ, никому не долженъ льстить, раболѣпствовать и считать дѣло свое выше всѣхъ дѣлъ человѣческихъ (II, 175)“.

Предвѣля подобное явленіе въ дѣятельности пастырей, т. е., что въ пастырски-благовѣстническомъ служеніи возможно появленіе несовершенства въ томъ смыслѣ, что пастыри могутъ или прислуживаться и бояться, или прислуживать мірскимъ воззрѣніямъ, или же изъ за этихъ воззрѣній совершенно оставлять слово благовѣстія, св. апостолъ Павелъ являетъ себя великимъ образцомъ для всѣхъ пастырей Церкви, крѣпко и убѣжденно говоря: „я не стыжусь благовѣствованія Христова“. Развѣ можно Христову посланнику (а пастыри всѣ таковы) стыдиться того, что Христомъ Самимъ открыто? Развѣ Богъ, Который далъ намъ все Свое Откровеніе, стыдится этого Откровенія? Развѣ Божественное Откровеніе не испытало на себѣ того, что въ гораздо меньшей мѣрѣ испытываетъ современный

пастырь-проповѣдникъ, отражающій въ своей дѣятельности судьбу самого слова Божія? Развѣ допотопное челоѣчество должнымъ образомъ относилось къ Божественному Откровенію въ лицѣ его проповѣдниковъ? Развѣ весь, кромѣ одного челоѣка, родъ челоѣческой не презрѣлъ водительства Божія, когда Богъ отринулъ весь родъ челоѣческой, избравши Авраама въ отцы вѣрующихъ? Развѣ самъ избранный народъ не пренебрегалъ словомъ Божиимъ? Развѣ міръ узналъ Христа, во плоти пришедшаго? Развѣ міръ пощадилъ апостоловъ Христовыхъ? Развѣ теперь слово Божіе въ томъ почетѣ, развѣ оно пользуется тѣмъ недосыгаемымъ уваженіемъ, какимъ оно должно пользоваться, какъ слово Самого Бога? Не совершенно ли напротивъ? И все это краснорѣчиво говоритъ за то, что Богъ въ Своей благодти, несмотря на равнодушное, насмѣшливое и презрительное отношеніе міра къ Его слову, не пересталъ давать міру Своего откровенія, открывши Себя въ концѣ концовъ въ Сынѣ Своемъ Единородномъ. Богъ не стыдился открывать Себя міру, — можетъ ли пастырь Церкви, служитель Божій, стыдиться благовѣствовать ученіе Божіе? *Не стыжусь*, пишетъ всему міру и своимъ дѣломъ показываетъ св. апостолъ, *благовѣствованія Христова*. Такимъ долженъ быть и всякій пастырь въ святомъ дѣлѣ благовѣствованія Христова. Мірскія воззрѣнія не только не должны дѣйствовать на него ослабляющимъ образомъ, но наоборотъ должны болѣе и болѣе усиливать его учительную дѣятельность, въ которой онъ и долженъ бороться всѣми силами и съ этими не библейскими воззрѣніями.

Слово Божіе, несмотря на то, что множество людей пренебрегаетъ имъ, въ ветхозавѣтномъ Откровеніи приготовило міръ къ принятію Спасителя, а въ новозавѣтномъ Откровеніи оно въ лицѣ вѣрующихъ, по выраженію св. апостола Іоанна Богослова, *побѣдило міръ* (I посл. V, 4), дало людямъ вкусить благъ вѣчной жизни и въ этомъ мірѣ, а въ мірѣ небесномъ дастъ блаженство нескончаемое. Это второе, почему пастырь Церкви не долженъ стыдиться слова благовѣствованія: оно, по словамъ св. апостола Павла, *есть сила Божія ко спасенію всякому вѣрующему*.

Какъ ни тяжела судьба въ этомъ мірѣ право благовѣствующихъ, они должны находить себѣ отраду въ той блаженной мысли, что они несутъ въ своей судьбѣ судьбу самого слова Божія: терпя насмѣшки и поруганія и презрительное отношеніе со стороны мірскихъ лю-

дей, они, подобно слову Божию, совершаютъ словомъ благовѣствованія не что иное, какъ *спасеніе* слушающихъ. Быть можетъ, и не много будетъ такихъ, которые стануть на истинный путь спасенія благодаря слову пастыря благовѣстника, но даже если и одинъ,—и то пастырь, какъ *обратившій грѣшника отъ ложнаго пути его, спасетъ душу отъ смерти и покроетъ множество грѣховъ* (Іак. V, 20). Какая дѣятельность можетъ быть почтеннѣе, какъ служеніе вѣчному спасенію своихъ ближнихъ? А благовѣствованіе Христово и есть сила Божія во спасеніе всякому вѣрующему. Можно ли стыдиться дѣла самаго святого, самаго великаго на землѣ? Всѣми силами пастыри Церкви должны избѣгать того, чтобы, въ угоду мірскимъ воззрѣніямъ, дѣлать уступки въ словѣ благовѣствованія, уступки, иногда нарушающія даже и прямой смыслъ откровенной истины. Служеніе благовѣствованія съ уступками мірскимъ воззрѣніямъ не можетъ быть служеніемъ во спасеніе вѣрующимъ, но даже въ погибель. Можно ли руководиться земными побужденіями тамъ, гдѣ дѣло идетъ о жизни небесной? Пусть даже весь міръ идетъ противъ слова благовѣстника, и тогда онъ не долженъ стыдиться своего служенія, ибо оно есть *Христово* благовѣствованіе. Св. Іоаннъ Златоустъ на себѣ самомъ показываетъ, какъ должна быть велика убѣжденность пастыря въ силѣ благовѣствованія, когда онъ, несмотря на то, что на него ополчился дѣйствительно весь міръ и когда онъ, по его выраженію, которое можно понимать даже буквально, „одинъ совѣщаль въ себѣ Церковь“ (Слово 2-е по возвращеніи изъ ссылки),—не сдѣлалъ однако уступки міру, но остался вѣренъ знамени истиннаго Христова благовѣстника. Онъ не стыдился этого знамени и, претерпѣвши все, что только можетъ претерпѣть Христовъ благовѣстникъ, со „славою Богу за все“ на устахъ, окончилъ свою святую пастырскую жизнь, содѣлавши своими чадами множество, преклоняющееся предъ величіемъ его души и златословесными его твореніями.

Таковъ глубокопоучительный для каждаго пастыря Церкви смыслъ этого краткаго изреченія св. апостола Павла, касающагося въ этомъ изреченіи одной изъ самыхъ возможныхъ слабостей, которую приходится непремѣнно преодолѣть пастырю при его служеніи благовѣствованіемъ.

Но кромѣ этого общаго смысла указанное изреченіе св. апостола имѣетъ еще частное значеніе и касается благовѣстнической дѣя-

тельности такихъ пастырей Церкви, которые ревностно, не стыдясь людской молвы, благовѣствуютъ слово Христово, но въ то же время желаютъ обходить молчаніемъ тѣ изреченія св. Писанія, которыя кажутся соблазнительными, какъ касающіяся такихъ вопросовъ, о которыхъ въ обществѣ говорить не принято. Извѣстно вѣдь, что многіе и въ самомъ словѣ Божіемъ находятъ нѣчто соблазнительное. Какъ долженъ относиться къ подобнымъ воззрѣніямъ пастырь-благовѣстникъ?

Свящ. С. Городицевъ.

(Продолженіе будетъ).

Объявленіе.

Правленіе Мингрельскаго духовнаго училища симъ объявляетъ, что переэкзаменовочныя испытанія въ ономъ училищѣ назначены на 23, 24 и 26 августа, а пріемные экзамены для поступающихъ на 27 и 28 числа того же мѣсяца. 1-го сентября начнутся классныя занятія.

Содержаніе № 15: *Часть оффиціальная:* Высочайшій Манифестъ. Высочайшее повелѣніе. Высочайшая награда. Опредѣленія Святѣйшаго Синода. Узаконенія и распоряженія Правительства. Отъ Учебнаго Комитета и Училищнаго Совѣта при Святѣйшемъ Синодѣ. Распоряженія Епархіальнаго Начальства. Разрядные списки учениковъ Озургетскаго и Телавскаго дух. училищъ. Отъ Правленія Тифлискаго дух. училища. Отъ Совѣта Приход. Попеч. при Иоанно-Богословской церкви. Отъ Совѣта Епарх. Миссіонерск. духовно-просв. Братства. *Часть неоффиціальная:* Задушевный вѣнокъ отъ скорбящей Грузіи на дорогой гробъ Наслѣдника Цесаревича. Слово у гроба Наслѣдника Цесаревича, *А. Г. Обозрѣніе* Кахетинскихъ церквей Высокопреосвящ. Экзархомъ Грузіи, *свящ. А. Тотибадзе.* Мысли пастыря о нѣкоторыхъ изреченіяхъ св. апостола Павла, *свящ. С. Городицева.* Объявленіе.

Редакторъ, Ректоръ Семинаріи, Архимандритъ *Гермогенъ.*

Печатать дозволяется. Тифл., 30 іюля 1899 г. Цenz., прот. *Евставій Елиевъ.*

Типогр. Е. И. Хеладзе, Лор.-Мелик. ул., д. Квашветск. церкви. Телеф. № 648.